

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

A. M. Akopyants, L. A. Babitova, A. V. Kiseleva

Аннотация

Введение. Статья посвящена актуальным вопросам языковой политики и языкового планирования в условиях формирования многополярного мира и обострения глобальной конкуренции. Рассматривается роль языка как инструмента культурного, идеологического и политического влияния, особенно в контексте современных geopolитических реалий, включая конфронтацию между Россией и Западом. Цель статьи заключается в анализе перспектив развития языковой политики, направленной на сохранение языкового многообразия внутри России и укрепление позиций русского языка за рубежом. Особое внимание уделяется проблемам негативного влияния процессов глобализации, которые приводят к унификации титульных и исчезновению миноритарных языков.

Результаты исследования. В статье выделяются ключевые тенденции в языковой политике, связанные с глобализацией и унификацией языков. Подчеркивается, что доминирование английского языка как lingua franca в глобальном масштабе создает риски для миноритарных языков, что может привести к их исчезновению и утрате культурного разнообразия. Анализируются процессы «лингвистического геноцида», особенно в постсоветском пространстве, где наблюдается маргинализация русского языка и других языков меньшинств; приводятся примеры таких стран, как Украина, страны Балтии и других государств, где языковая политика направлена на вытеснение русского языка из образовательной и общественной сфер. В то же время отмечается, что Россия, в отличие от многих других стран, активно поддерживает языковое многообразие, обеспечивая образование и медиа-ресурсы на языках коренных народов. В статье подчеркивается, что в России 82 языка коренных народов представлены в системе образования, а 23 языка используются в высших учебных заведениях.

Заключение. Результаты исследования подчеркивают необходимость разработки сбалансированной языковой политики, которая бы способствовала сохранению культурного и языкового наследия, одновременно укрепляя позиции русского языка на международной арене. Предлагается учитывать опыт России в поддержке языкового многообразия для разработки стратегий, направленных на предотвращение лингвистического геноцида и сохранение этнокультурной идентичности. Перспективы применения результатов исследования связаны с дальнейшим развитием межкультурного диалога и интеграцией языковой политики в глобальные образовательные и культурные процессы.

Ключевые слова: миноритарные языки, языковая ситуация, мировой язык, языковой геноцид, лингвоцид, лингвистический расизм, языковой пуританство

LINGUISTIC REALITY IN THE CONTEXT OF MULTICULTURAL STRATEGIC INTERACTION

A. M. Akopyants, L. A. Babitova, A. V. Kiseleva

Abstract

Introduction. The article addresses current issues of language policy and language planning in the context of the formation of a multipolar world and the intensification of global competition. The role of language as a tool of cultural, ideological, and political influence is examined, particularly in light of contemporary geopolitical realities, including the confrontation between Russia and the West. This

article aims to analyze prospects for developing language policies that preserve linguistic diversity within Russia and strengthen the position of the Russian language abroad. Special attention is paid to the negative effects of globalization, which lead to the unification of titular languages and the extinction of minority languages.

Results. The article identifies key trends in language policy related to globalization and language homogenization. It emphasizes that the dominance of English as a global lingua franca poses risks to minority languages, potentially leading to their disappearance and the loss of cultural diversity. The processes of ‘linguistic genocide’ are analyzed, particularly in post-Soviet countries where the marginalization of the Russian language and other minority languages is observed. Examples are drawn from Ukraine, the Baltic states, and other countries, where language policies aim to exclude Russian from educational and public spheres. At the same time, it is noted that Russia, unlike many other countries, actively supports linguistic diversity by providing education and media resources in the languages of indigenous peoples. The article underscores that in Russia, 82 indigenous languages are represented in the education system, and 23 languages are used in higher education institutions.

Conclusions. The research results emphasize the need for a balanced language policy that would contribute to the preservation of cultural and linguistic heritage while strengthening the position of the Russian language internationally. It is proposed to draw on Russia’s experience in supporting linguistic diversity to develop strategies aimed at preventing ‘linguistic genocide’ and preserving ethno-cultural identity. The findings also have potential applications for further development of intercultural dialogue and the integration of language policy into global educational and cultural processes.

Keywords: minority languages, language situation, global language, language genocide, linguicide, linguistic racism, language purism

Введение

В условиях формирования многополярного мира и обострения глобальной конкуренции гуманитарная сфера становится ареной активной борьбы за влияние, где язык играет ключевую роль. Мировоззренческий разлом в отношениях России и Запада, усугубленный началом специальной военной операции в 2022 г., ставит перед научным сообществом важные задачи. К ним относятся вопросы о перспективах развития международных отношений, расширении межкультурного диалога, интеграции российской высшей школы в глобальное образовательное пространство. Несмотря на публичную риторику о языках как о ценности, которую необходимо оберегать, в geopolитической реальности они все чаще используются в качестве инструментов культурного, идеологического, политического и экономического влияния.

В контексте geopolитических реалий и культурно-исторического позиционирования Российской Федерации, языковая политика и языковое планирование приобретают особую значимость как действенные

инструменты реализации задач внутренней и внешней политики. Традиционная роль России как медиатора между западной и восточной цивилизациями обуславливает необходимость формирования сбалансированных и многовекторных отношений с различными geopolитическими акторами. В этих условиях продуманная и последовательная языковая политика, направленная на сохранение и продвижение языкового многообразия внутри страны, а также на укрепление позиций русского языка за рубежом, становится стратегическим приоритетом.

Результаты исследования

Вопросы функционирования языка как средства коммуникации всегда представляли огромный интерес для исследователей в самых разных областях гуманитарного и научно-технического знания. На фоне geopolитических процессов многополярного мира мы предполагаем дать ответ на актуальные вопросы языковой политики, связанные с экономическими, социальными и интеркультурными факторами современной ситуации в мире.

В отличие от однополярной модели мироустройства, характеризующейся доминированием одного государства, стремящегося к экспансии своего влияния посредством идеологического, политического, экономического, лингвокультурного и других механизмов, а также к подчинению национальных интересов других акторов своим собственным, многополярная модель предполагает паритетное сосуществование нескольких центров силы. Данная модель подразумевает признание за каждым из них права на автономное определение приоритетов во внутренней и внешней политике. Трансформации от bipolarной системы (конфронтация СССР и США в период 1946–1991 гг.) к однополярной (гегемония США в начале XXI в.) и в настоящее время к многополярной модели были значимыми не только для вовлеченных государств, но и для мирового сообщества в целом. Начало XXI в. характеризуется высоким уровнем динамики развития глобализационных процессов во всех сферах жизнедеятельности мирового сообщества. Фактически мировое пространство трансформируется в единую рыночную систему, подчиненную принципам жесткой конкуренции. Этот процесс обусловливает фрагментацию, эскалацию межгосударственной конкуренции и возникновение как внутрикультурных, так и межкультурных конфликтов. В научном и журналистском сообществах отмечается обеспокоенность относительно социокультурных последствий глобализации. Данные опасения, безусловно, в большей мере связаны с обеспокоенностью по поводу социокультурных последствий глобализации, которые, прежде всего, связаны с сохранением культурного многообразия, гуманитарных ценностей, а значит, и с вопросами сохранения языкового многообразия, а именно с вопросами защиты национально-культурной идентичности современных народов, сохранения миноритарных языков, передачи культурного наследия из поколения в поколение и сохранением разнообразия и богатства мировой цивилизации.

Глобализационные процессы, оказывающие существенное влияние на лингвистическое и культурное разнообразие мирового сообщества, потенциально способны ускорить наступление этапа унификации, сопряженного с рядом негативных социокультурных последствий. Подобный сценарий развития событий перекликается с концепцией заката цивилизаций, предложенной немецким философом и культурологом О. Шпенглером, который рассматривал финальную стадию развития культуры как период доминирования технологического прогресса, упадка художественного творчества и формирования урбанизированных социумов, характеризующихся атомизацией и депersonализацией индивидов (Шпенглер 2023). Несмотря на наличие критических оценок отдельных аспектов шпенглеровской теории, современные тенденции развития крупных городских агломераций демонстрируют черты, согласующиеся с его тезисом о концентрации индивидов в безликих массах, что обуславливает необходимость проведения дальнейших исследований для всесторонней оценки потенциальных рисков и возможностей, связанных с процессами глобализации и унификации.

В настоящее время наиболее образованная часть населения европейских стран проявляет озабоченность относительно перспектив, обозначенных Шпенглером для человечества, и предпринимает меры по замедлению процессов глобализации, в первую очередь в социокультурной сфере и в отношении миноритарных языков. Языковая утрата влечет за собой исчезновение культур, уникальных способов восприятия мира, а также деградацию национальной идентичности. Вместе с языками в забвение уходят не только отдельные лексические единицы и культурные особенности, но и значительный объем кумулятивного человеческого знания.

В современной лингвистической науке принято считать, что общее количество языков в мире приближается к 7000, однако точное определение числа языковых единиц

сопряжено с методологическими сложностями, обусловленными размытостью границ между языками и диалектами, а также отсутствием общепринятых критериев их дифференциации. Это обстоятельство признается большинством исследователей в области лингвистики и социолингвистики. Более того, следует учитывать динамический характер языковой ситуации в глобальном масштабе, характеризующийся постоянными изменениями, обусловленными как внутренними процессами развития языков, так и внешними факторами, такими как миграционные потоки, процессы глобализации и развитие информационных технологий. Согласно прогнозам ряда лингвистов, к середине XXI в. значительная часть мировых языков исчезнет, что представляет собой негативную тенденцию, обусловленную объективными факторами. По данным ЮНЕСКО, характеризующимся широким диапазоном прогностических моделей, к середине XXI столетия ожидается сохранение приблизительно 50 % от общего числа языков, функционирующих в настоящее время. Более пессимистичные сценарии указывают на потенциальное сокращение языкового разнообразия до 10 % к концу текущего столетия, что соответствует существованию от 600 до 700 языков. Текущая динамика характеризуется ежегодной утратой от 10 до 15 языков, что свидетельствует о тенденции к лингвистической консолидации. Процесс обусловлен вытеснением языков с ограниченной сферой употребления доминирующими лингвистическими системами, что выступает следствием сложных социокультурных и экономических факторов. К числу детерминирующих факторов относятся: брачные союзы между представителями различных этнолингвистических групп, процессы языковой и культурной ассимиляции, миграционные потоки населения, урбанизация, индустриализация, модернизация общества и процессы глобализации.

В связи с этим возникает вопрос о том, что в текущий момент происходит с доминирующими языками, т. н. мировыми язы-

ками (английский, китайский, французский, арабский, русский и испанский языки), которые, с одной стороны, приняты в качестве рабочих в международных общественных организациях и используются в различных языковых сообществах, с другой стороны, практически все эти языки маргинализированы.

Признанный эксперт в области лингвистики Д. Кристалл подчеркивает ключевую роль английского языка как *lingua franca* в современном глобализированном мире, отмечая его широкое распространение и использование в различных сферах, включая науку, технологии и международную коммуникацию. Количество говорящих на английском языке в мире достигает почти 1,5 миллиарда, при этом лишь четверть из них являются его носителями. Кристалл обращает внимание на то, что доминированию английского языка способствовали исторические и социокультурные факторы, в частности колониальное прошлое Британской империи и экономическое влияние Соединенных Штатов Америки. Одновременно с признанием доминирующего статуса английского Кристалл отмечает потенциальные негативные последствия языковой гегемонии, включая риски ассимиляции миноритарных языков, усиление языкового неравенства и утрату культурного разнообразия. Однако подчеркивая необходимость pragmatичной оценки сложившейся лингвистической ситуации и адаптации к ней, он предлагает рассматривать распространение английского не как угрозу, а как возможность для расширения коммуникативных горизонтов и развития международного сотрудничества (Crystal 2018).

Кристалл вводит понятие *Global English* для обозначения сложного и многоаспектного процесса, характеризующегося не только распространением языка в его стандартной форме, но и возникновением множества локальных вариаций и гибридных форм, отражающих специфику культурных и лингвистических контекстов различных регионов мира. Он подчеркивает, что современный

английский язык представляет собой не унифицированную систему, а динамичную и постоянно развивающуюся совокупность диалектов и социолектов (Crystal 2018).

Очевидно, что в современном обществе квалифицированный специалист, который не владеет английским языком и не имеет навыков работы с компьютером, может испытывать довольно существенные затруднения в своей профессиональной деятельности. Одновременно мы наблюдаем тенденцию снижения международной роли таких языков, как немецкий, русский и даже французский. Согласно данным Международной ассоциации прикладной лингвистики, в европейских странах наиболее высокий процент населения, владеющего английским языком, отмечается в таких странах, как Нидерланды, Швеция и Дания (практически 80 % населения). В Люксембурге, Финляндии и Австрии этот показатель превышает 50 %, в то время как в Италии, Португалии и Испании наблюдается довольно низкая распространённость английского языка (20 %, 18 % и 16 % соответственно). В целом в странах Европейского Союза английским языком владеет приблизительно 40 % населения, немецким — около 16 %, а русским и французским — всего лишь 10 % (Зайнулин 2012).

В то же время ряд британских лингвистов высказывают предположения о возможной утрате английским языком статуса глобального языка в долгосрочной перспективе, несмотря на его текущее доминирующее положение. Прогноз обусловлен тенденцией к постепенному сокращению числа носителей английского языка относительно других языков мира. Согласно статистическим данным, в настоящее время английский язык занимает второе место по численности носителей, уступая китайскому языку, на котором говорят более двух миллиардов человек, что в три раза превышает число носителей английского. На основании анализа демографических и лингвистических тенденций британские исследователи прогнозируют, что к 2050 г. английский язык может

переместиться на третье место в рейтинге самых распространенных языков, уступив вторую позицию группе азиатских и индоевропейских языков, включая, в частности, испанский и арабский. Такой сценарий подчеркивает динамичный характер языковой ситуации в мире и необходимость учитывать факторы, влияющие на изменение статуса и роли отдельных языков в глобальной коммуникации.

Необходимо отметить, что показатель количества носителей определенного языка не всегда полностью отражает значение этого языка в процессе глобализации. В качестве примера можно привести статистику ЮНЕСКО, согласно которой китайский язык по числу его носителей занимает первое место в мире. Тем не менее перспектива того, что в недалеком будущем мировое сообщество неизбежно столкнется с необходимостью освоения китайского языка, на наш взгляд, маловероятна. В то же время на сегодняшний день мы наблюдаем ситуацию, при которой преобладающее большинство людей в мире, не исключая и Китай, либо изучают, либо осознают необходимость изучения английского языка с целью профессиональной и культурной интеграции в мировое сообщество.

С одной стороны, позитивная составляющая этого процесса представляется вполне очевидной: повсеместное распространение английского языка обеспечивает удовлетворение естественной потребности человека во взаимопонимании на глобальном уровне. В то же время глобальное распространение английского языка вступает в прямое противоречие с другой фундаментальной человеческой потребностью, а именно потребностью в идентичности, которая проявляется в естественном стремлении использовать в различных ситуациях свой родной язык, усвоенный в раннем возрасте.

Язык не является лишь инструментом коммуникации, а представляет собой и филосовскую систему, формирующую синтетическое представление о мире. Каждый язык представляет собой зафиксированную в его

лингвистической структуре и правилах системы знаний о мире, отражающую его специфическое видение и понимание. В этом контексте язык является воплощением мира, памяти и истории этноса, в связи с чем исчезновение каждого языка равнозначно утрате не только лексико-грамматических единиц, но и целого уникального и многогранного мировосприятия, имеющего существенное значение для понимания как человеческой природы, так и окружающего мира.

На современном этапе каждое этнолингвокультурное сообщество несет ответственность за сохранение национальной культуры, а значит, и родного языка, той части национального достояния, в котором хранится и передается из поколения в поколение уникальная историческая и культурная память этноса, независимо от того, какую национально-культурную общность они представляют, будь то языки, имеющие статус международных, пользующиеся большим авторитетом и запросом в современном мире в аспекте активной межкультурной коммуникации, или языки миноритарных этносов, представленные очень небольшим числом носителей. Только в этом случае каждый из этносов сможет внести свой неповторимый, уникальный вклад в мировое культурное наследие и сохранение культурных ценностей человечества, столь важное и необходимое для формирования мирового единства современного мира. Именно поэтому, по нашему мнению, сохранение и развитие миноритарных языков сегодня рассматривается как одна из основных целей языковой политики мирового сообщества и находит отражение в целом ряде важных документов и мероприятий, проводимых на международном уровне, регулирующих вопросы мировой политики, как, например, Европейский год языков, Европейский год межкультурного общения, Международное соглашение о гражданских и политических правах (вступило в силу в 1976 г.), Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (18 декабря 1992 г.), Доклад Вер-

хового комиссара ООН по правам человека «Права лиц, принадлежащих к национальным, этническим, религиозным и языковым меньшинствам» (24 февраля 2004 г.), а также Европейская Хартия региональных языков и языков меньшинств (ноябрь 1992 г.), Рамочная конвенция по защите национальных меньшинств (февраль 1995 г.).

Генеральной Ассамблей ООН 2022–2032 гг. провозглашены Международным десятилетием коренных народов. Его основная цель — привлечение внимания мирового сообщества к вопросам утраты языков коренных народов, реализация конкретных шагов для их сохранения, возрождения, популяризации как на национальном, так и на международном уровнях. На современном этапе в России и других странах БРИКС отмечается возрождение интереса к коренным языкам, к вопросам сохранения и популяризации миноритарных языков, что способствует их активному изучению, внедрению в образовательные программы. Фактически вышеотмеченные вопросы становятся не только вопросами локальной идентичности, но и важными элементами глобальной культурной устойчивости.

С одной стороны, активное распространение английского языка, в определенной мере способствует межкультурному взаимопониманию, дефицит которого исторически отмечался в человеческом обществе и представляет собой, безусловно, позитивный фактор. С другой стороны, совершенно очевидно в современных условиях развитие нового поликультурного сообщества, что подобное состояние дел в аспекте языковой политики позитивно, лишь только пока английский язык рассматривается и используется этнокультурным сообществом в качестве второго языка, эффективного средства для реализации вопросов межкультурного сотрудничества. К сожалению, все чаще отмечается тенденция фактического вытеснения родного языка своеобразным global English, что несомненно создает негативный фон для возникновения этнолингвистических конфликтов, обусловленных нежеланием

и неготовностью отдельных этносов отказаться от собственной культуры и языка для развития интенсивных интеграционных процессов. Все чаще и чаще мы отмечаем, как в различных коммуникативных ситуациях глобальное распространение английского языка и взятая им на себя роль своеобразного *lingua franca* входит в глубокое противоречие с естественной фундаментальной человеческой потребностью сохранять родной язык и использовать его как активное средство коммуникации во всех сферах жизнедеятельности. В связи с этим возникает закономерный вопрос, являются ли столь активно развивающиеся глобализационные процессы культурной интеграции в современном мире позитивным фактором жизнедеятельности и развития мирового сообщества и не станут ли они мощным инструментом негативного воздействия на национальные языки и культуры.

Перспективы наступления английского языка вызывают дебаты. По мнению одних, нет внешних препятствий для господства английского языка и со временем именно он станет «вторым родным языком», по мнению других — реальность такого рода перспективы вызывает сомнения. Мы можем утверждать только одно: кто прав, покажет лишь время. Наряду с этим приходится признать, что процесс интеграции языка находит противодействие в национальных лингвосистемах и проявляется посредством укрепления процессов дифференциации (Акопянц, Бабитова 2020).

Яркую, своеобразную лингвистическую антиномию, одновременно дополняющую и исключающую друг друга образуют в современной лингвистической научной парадигме антиномия «лингвотолерантность» — «пуризм». Всеобщее внимание к проблеме толерантности не обошло стороной и лингвистику. Язык всегда представлял и будет представлять собой толерантное общественное явление, терпимое к изменениям. Сегодня представляется важным ввести в обиход термин «лингвотолерантность» и активно использовать его для описания сложившей-

ся в современной лингвистике ситуации терпимости. Лингвотолерантность достаточно пассивна, ограничивается согласием со всеми языковыми изменениями и проявляется, прежде всего, на лексическом уровне языка принятием иноязычных единиц в лексический состав языка. Можно утверждать, что современные европейские языки максимально толерантны к английским лексическим единицам, как лексемам языка глобального общения. Однако столь высокая частотность заимствования англоязычных лексем в языке привлекает и вызывает внимание не только лингвистов-теоретиков, но и практиков, фиксирующих лексическую диахронию языка (Акопянц, Бабитова 2020).

В современном дискурсе отмечается активное использование англицизмов в таких сферах деятельности, как, прежде всего, интернет-дискурс (*браузер, спам, блог, чат, блогер, апгрейдинг, копирайтинг, баннер, гуглить* и т. д.), политический дискурс (*праймерис, саммит, спикер, брифинг, плебисцит, конгрессмен* и т. д.), дискурс индустрии моды (*тотал лук, бутсы, оверсайз, пулlover, кардиган, лоферы, мейкан, свитер, аутфит, слипоны, клатч, ботильоны, миди, мини, макси, кэжуал лук, принт* и т. д.), экономический дискурс (*дилер, коррупция, инвестиция, трансфер, мониторинг, мерчендейзер, дистрибутор, лизинг, промоутер, брокер, дауншифтинг, менеджер, фандрайзер, бартер, стагнация* и т. д.), медийный дискурс (*прайм-тайм, ток-шоу, имидж-мейкер, ремейк, фейс-контроль, шоубиз, плейлист, саундтрек* и т. д.) и многие другие. Представленный нами далеко не полный список англицизмов XXI в., активно использующихся в российском обществе как в институциональном, так и в бытовом дискурсе, невольно заставляет задуматься о важности предостережения великого писателя В. Распутина о необходимости защиты русского языка «от нахлына» иноязычной лексики.

Все чаще и чаще в работах современных лингвистов, исследователей, представляющих различные лингвистические школы, лингвокультурные сообщества, мы отмечаем

откровенные публичные признания о необходимости и важности поднятия престижа и сохранения собственного языка, а значит, и культурных ценностей в глазах его носителей, о принятии мер по предотвращению столь активного использования иностранной, и прежде всего англоязычной, лексики как на уровне монокультурной, так и поликультурной коммуникации. Подобные подходы привели к динамичному развитию новой лингвистической антиномии «лингвистическая толерантность — языковой пуританство». Следует отметить, что языковой пуританство, по нашему мнению, заботится прежде всего о развитии самобытной национальной культуры, сохранении языков, стимулируя обращение к лексико-семантическим ресурсам исконного языка (Акопянц, Бабитова 2020).

Среди европейских государств Франция наиболее активно выступает против англоязычного влияния. Позиция Франции выражается в принятии целого ряда законодательных актов, которые направлены на защиту французского языка, создан также Комитет по защите французского языка при президенте страны. Интересно отметить, что тенденция к активизации движения языкового пуританства отмечается не только в государствах, которые испытывают поступательное движение, своеобразную экспансию т. н. Global English, но и в самой Великобритании, где отмечается повышенное беспокойство в лингвистическом сообществе о сохранении собственного языкового наследия (Акопянц, Бабитова 2020). В современной Британии издается целый ряд научно-популярной лингвистической литературы, в средствах массовой информации широко обсуждаются актуальные языковые вопросы, порицается некорректное употребление языковых единиц, создается целый ряд интернет-ресурсов, посвященных различным аспектам сохранения и развития современного английского языка, как, например, «The society for the protection of the apostrophe» (Общество по защите апострофа) или «The society for preservation of strong verbs» (Общество по защите неправильных

глаголов). Интересно отметить, что даже в Соединенных Штатах, которые фактически являются эпицентром развития и распространения т. н. global, или key English, практически в каждом авторитетном научном, научно-популярном лингвистическом издании имеются специальные рубрики, посвященные обсуждению и адекватному решению насущных языковых проблем, связанных сегодня с вопросами сохранения языковых норм и стандартов современного английского языка. Авторы этих рубрик, которых с иронией называют language mavens, или death language writers, не только выражают обеспокоенность упадком и своеобразной деградацией системы современного английского языка, но и предлагают эффективные пути решения поставленных вопросов, что находит отражение в работах Э. Ньюмана (Newman 2010). Современные пуританы, позиционирующие себя как «стражи», или «защитники языка» (guardians of the language), видят свою задачу, прежде всего, в активизации деятельности и выработке эффективных средств по сохранению и защите норм английского языка, что ярко проиллюстрировано, например, в работе Кристалла «The Stories of English» (Crystal 2019).

Мировое лингвистическое сообщество все более активно обсуждает вопрос о негативных последствиях языковых контактов английского языка с другими языками. Все чаще и чаще мы отмечаем пессимистические, негативные метафоры (язык-убийца — «killer language», язык-тиранозавр, язык-кукушонок в гнезде языков). Более того, указывая на негативное доминирование английского языка во всех сферах жизнедеятельности (науке, международных отношениях, политике), учёные говорят о «лингвистическом неоимпериализме», «лингвистическом геноциде», «преступлении против человечности в области образования».

На фоне глобальных трансформационных процессов наблюдается эскалация феномена «лингвистического геноцида». В рамках данного исследования предполагается рассмотрение аспектов лингвистического геноцида

в современном мире по двум основным направлениям. Под языковым геноцидом понимается открытая дискриминация национальных меньшинств в их праве на использование родного языка, которое выступает неотъемлемым компонентом свободы волеизъявления, образовательных процессов и религиозных обрядов.

Политика лингвистического геноцида — сложное, многоплановое и крайне негативное явление, которое реализуется в различных формах и направлениях, таких как тотальное отрицание языка представителей национальных меньшинств как самостоятельной жизнеспособной лингвистической системы, игнорирование и запрет на право национальных меньшинств на активную коммуникацию на родном языке, прямое и косвенное унижение представителей национальных меньшинств, осуществляющих речевую деятельность и коммуникацию на родном языке, запрет на использование родного языка при отсутствии его государственного статуса.

В контексте анализа деструктивных последствий этноязыковой политики, обладающей признаками лингвистического геноцида, показательным является кейс современной Украины. Отмечается интенсивное использование уничтожительной терминологии по отношению к гражданам Российской Федерации, таких как *москали, кацапы, ватники, вата, орда, орки, монголы*, генерируемой, преимущественно, в среде радикальных украинских националистических движений. Параллельно наблюдается тенденция к законодательному закреплению приоритетного статуса украинского языка в государственном и общественном дискурсе, а также в медиа-пространстве, примером чего служит инициированный в Верховной Раде законопроект об обязательном использовании украинского языка, что вступает в противоречие с положениями Европейской хартии региональных языков. Предлагаемая система административной и уголовной ответственности за нарушение данного языкового за-

конодательства может рассматриваться как фактор, способствующий маргинализации иных лингвистических групп и их дискриминации.

В 2017 г. Украина законодательно закрепила приоритет украинского языка в образовательной сфере, что, можно рассматривать как лингвистический геноцид. В частности, принятый Верховной Радой Закон об образовании от 5 сентября 2017 г., ограничивающий преподавание на языках, отличных от украинского, является проявлением дискриминации в отношении русскоязычных граждан и представителей других этнических меньшинств.

С сожалением приходится констатировать, что языковая политика других постсоветских государств, таких как страны Балтии, Грузия, Узбекистан, отторгают историческую правду, отказываются от использования региональных языков и, как следствие, разрушают свою государственность и негативно влияют на культурную идентичность народов, проживающих на территории этих государств. Исключением является Беларусь, где русский язык имеет статус второго государственного.

Ограничение языкового разнообразия может рассматриваться как проявление экстремизма, поскольку направлено на переосмысление и навязывание определенной трактовки национальной идентичности. Понятие «язык ненависти» в таком контексте выступает катализатором деструктивных процессов и рассматривается как инструмент реализации политики лингвицида. Подобная политика имеет контрпродуктивный и деструктивный характер для самого государства, ее проводящего.

В контексте феномена лингвистического геноцида актуальной проблемой является широкое распространение дискурса ненависти, агрессивной риторики и лингвистического расизма в различных сферах жизнедеятельности. Лингвистический расизм рассматривается не только как использование оскорбительных выражений, но и как меха-

низм, применяемый доминирующей группой для поддержания расовой иерархии и обеспечения контроля над ресурсами и институтами. Современные проявления лингвистического расизма часто носят завуалированный характер (*covert, subtle racism*) и могут включать в себя использование излишней вежливости или специфических эвфемизмов.

Ключевыми аспектами лингвистического расизма являются:

- функциональная роль: лингвистический расизм рассматривается как метод, используемый доминирующей группой для укрепления иерархических отношений и при этом сохранения доступа к ресурсам и институтам;
- скрытые формы: подчеркивается, что в современном обществе лингвистический расизм часто проявляется в завуалированных формах (*covert racism*), таких как излишняя вежливость или использование эвфемизмов, что затрудняет его распознавание и борьбу с ним;
- эвфемизация расистских терминов: на примере слова *nigger* и его эвфемизма *the N-word* демонстрируется тенденция к смягчению расистских оскорблений путем замены их на менее очевидные выражения; такая стратегия не отменяет расистского значения, а скорее маскирует его;
- неадекватность проявлений: запрет книг белых авторов, содержащих оскорбление *nigger* в католической школе Торонто, и разрешения использования *N-word* только среди чернокожих учеников, что иллюстрирует непоследовательность и сложность в борьбе с расизмом в языковой практике;
- стереотипные выражения: например, выражения *He/she speaks very well for a foreigner* и *Beautiful in the manner of the East* как проявления предубеждений и стереотипизации в отношении определенных групп; такие фразы подсознательно приписывают людям «низ-

ший» языковой уровень или культурную ценность;

- специфические расистские термины: лексема *wetback*, буквально означающая «мокрая спина», является примером уничижительного термина, используемого для обозначения мексиканцев или других латиноамериканцев в США, подчеркивая их нелегальный статус. Интересна также трактовка призыва Дональда Трампа MAGA (*Make America great again*) в рамках антонимии White-Black (белые — черные), которая сегодня трактуется большим числом американцев как *Make America white*.

Особенность современного мира такова, что представители как малочисленных, так и крупных этносов, являющихся в своих странах миноритарными, как средство активной жизнедеятельности используют не родной материнский язык, а язык фактического большинства. На этих языках они получают среднее и высшее образование, реализуются в профессиональном социуме, коммуницируют с представителями других этносов.

В условиях глобализации, характеризующейся тенденцией к нивелированию культурного разнообразия, актуализируется проблема сохранения этнокультурной идентичности. Язык, как фундаментальный элемент культуры, выступает одновременно фактором интеграции и дифференциации социумов, обусловливая возникновение как противоречий, так и путей их разрешения. Парадоксальность языковой ситуации в эпоху глобализации заключается в том, что, являясь важнейшим инструментом когнитивной деятельности, социального взаимодействия, развития науки, культуры и политики, язык часто воспринимается как данность, не требующая рефлексии о его истинной роли и значении.

Следует подчеркнуть, что язык не является культурно нейтральным феноменом. Изучение иностранного языка неизбежно влечет за собой освоение присущей ему культуры, включая мировоззрение, систему

ценностей и поведенческие модели носителей языка. Таким образом, знакомство с иноязычной культурой может способствовать расширению когнитивного и культурного горизонта, обогащая родную культуру. В то же время изучение языка, такого как английский или русский, имеющих за собой богатую культурную традицию, приводит к инкорпорации в сознание изучающего идеологических установок, социальных норм и ценностных ориентиров, характерных для соответствующих языковых сообществ.

Владение языком большинства фактически является гарантией профессионального и карьерного успеха, высокого статуса и многообещающих личностных перспектив. Положение о том, что каждый человек независимо от того, какую национально-культурную часть этноса он представляет, имеет право говорить на своем родном языке, рассматривается как одно из фундаментальных и естественных прав человека и гражданина. При этом каждый человек оставляет за собой право говорить, выражать, коммуницировать на том языке, который считает для себя наиболее адекватным и целесообразным. Нельзя отрицать и объективное право демократически избранных правительств в каждом государстве устанавливать основные языки обучения, а также естественное право родителей выбирать тот язык образования для своих детей, который они считают наиболее целесообразным и эффективным для дальнейшего личностного и профессионального роста. При этом следует помнить, что одна из главных задач для представителей каждого этноса — сохранить родной язык, национальное достояние, которое вносит в мировую сокровищницу культуры свое уникальное, неповторимое, без чего невозможно развитие человечества.

Анализ потенциальных траекторий развития языков в условиях лингвистической глобализации обуславливает постановку ряда ключевых исследовательских вопросов:

1. Каковы механизмы обеспечения полноценного социокультурного развития и высо-

кого качества жизни индивидов, независимо от их этнической принадлежности и географического местоположения, в контексте современных процессов глобальной модернизации и интеграции при условии сохранения их этнокультурной идентичности?

2. Какие стратегии, меры и методы наиболее эффективны для модернизации жизни и жизнедеятельности этносов различной численности и уровня социокультурного развития, обеспечивающие при этом сохранение этнокультурного разнообразия и накопленного фонда культурных ценностей человечества?

3. Каким образом возможно минимизировать негативные последствия, включая внутренние и внешние конфликты, при переходе к современному образу и качеству жизни в условиях осознания объективной необходимости социокультурных трансформаций? Какие факторы способствуют безболезненной адаптации к новым условиям?

Заключение

В отличие от ряда других крупных многоязычных государств, Российская Федерация характеризуется более широким охватом языков коренных народов, включая самые малочисленные, в системе образования, в частности обеспечивается возможность получать начальное образование на большинстве этих языков. Примечательно, что практически все языки коренных народов России обладают письменностью. По данным Министерства образования и науки РФ, 82 языка коренных народов представлены в системе дошкольного и школьного образования в качестве предмета изучения. Помимо этого, 23 языка используются в качестве языка обучения в высших учебных заведениях, где предоставляется возможность получения высшего образования по направлениям «История» и «Филология». На татарском языке, являющемся наиболее распространенным миноритарным языком в России, также возможно обучение по естественно-научным дисциплинам.

Следует отметить, что объем образовательных возможностей и интенсивность ис-

пользования языка во всех сферах общественной жизни напрямую коррелируют с численностью этнической группы и количеством носителей языка. В российских университетах осуществляется подготовка педагогических кадров практически по всем коренным языкам, включая языки малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Более того, на большинстве коренных языков ведется теле- и радиовещание (в различных объемах), осуществляется издание книжной продукции, включая учебную литературу и словари, а также журналов и газет. Активно развивается сегмент интернет-ресурсов на языках коренных народов, что способствует сохранению и продвижению языкового и культурного наследия.

Огромный потенциал, который открывается в результате лингвистической глобализации, требует тщательного анализа и осторожного использования для сохранения языкового и культурного наследия и дальнейшего обогащения русского языка.

Формирование многополярного миропорядка в контексте поликультурного стратегического взаимодействия предусматривает интеграцию культурных традиций, развитие толерантности и гуманизма, предотвращение и разрешение межнациональных и религиозных конфликтов. Одним из ключевых направлений в этом контексте выступает сохранение национально-культурной идентичности на основе сохранения языка и обеспечение рационального подхода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акопянц, А. М., Бабитова, Л. А. (2020) Антиномия «лингвотолерантность» — «языковой пуризм» в эпоху глобализации. В кн.: *Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования*. Пятигорск: Изд-во Пятигорского государственного университета, с. 6–12.

Зайнуллин, В. М. (2012) Проблемы развития и сохранения родных языков и национальных культур в эпоху глобализации. *Проблемы востоковедения*, № 3 (57), с. 57–61.

Шпенглер, О. (2023) *Закат Западного мира*. СПб.: Азбука, 1152 с.

Crystal, D. (2018) *English as a global language*. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 228 p.

Crystal, D. (2019) *The stories of English*. New York: Random House–Penguin Publ., 576 p.

Newman, E. (2010) *Strictly speaking will America be the death of English?* New Brunswick: Transaction Publ., 274 p.

REFERENCES

Akopyants, A. M., Babitova, L. A. (2020) Antinomia “lingvotolerantnost’ ” — “yazykovoj purism” v epokhu globalizatsii. [Antinomy “linguotolerance” — “linguistic purism” in the era of globalization]. In: *Yazyk i kul’tura v epokhu integratsii nauchnogo znaniya i professionalizatsii obrazovaniya* [Language and culture in the epoch of integration of scientific knowledge and professionalization of education]. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University Publ., pp. 6–12. (In Russian)

Crystal, D (2018) *English as a global language*. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press., 228 p. (In English)

Crystal, D. (2019) *The stories of English*. New York: Random House — Penguin Publ., 576 p. (In English)

Newman, E. (2010) *Strictly speaking will America be the death of English?* New Brunswick: Transaction Publ., 274 p. (In English)

Spengler, O. (2023) *Zakat zapadnogo mira* [The decline of the West]. Saint Petersburg: Azbuka Publ., 1152 p. (In Russian)

Zainulin, V. M. (2012) Problemy razvitiya i sokhraneniya rodnykh yazykov i natsional’nykh kul’tur v epokhu globalizatsii. [The problems of development and preservation of the native languages and ethnic cultures in the epoch of globalization]. *Problemy vostokovedeniya* — The Problems of Oriental Studies, no. 3 (57), pp. 57–61. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АКОПЯНЦ Арега Михайловна — *Arega M. Akopyants*

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия.

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

SPIN-код: [6122-0680](#), ORCID: [0000-0002-9506-444X](#), Scopus AuthorID: [57202496160](#), e-mail: imadean@yandex.ru

Доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической лингвистики и практики межкультурного общения.

БАБИТОВА Лариса Асланбиевна — *Larisa A. Babitova*

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия.

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

SPIN-код: [1867-6913](#), ORCID: [0000-0003-2665-4857](#), e-mail: 2121larisa@mail.ru

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической лингвистики и практики межкультурного общения.

КИСЕЛЕВА Анна Владимировна — *Anna V. Kiseleva*

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия.

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

SPIN-код: [7478-8407](#), ORCID: [0000-0003-4806-249X](#), Scopus AuthorID: [56027857300](#), e-mail: anna_karaga@mail.ru

Кандидат филологических наук, профессор кафедры теоретической лингвистики и практики межкультурного общения.

Поступила в редакцию: 4 марта 2025.

Прошла рецензирование: 24 августа 2025.

Принята к печати: 1 декабря 2025.